

Низами Гянджеви 1141 – 1209

Окончание. Начало в № 5(18) «ОЛГ»

Ещё до Низами на Востоке сложилась традиция, идущая от арабов и получившая развитие у персидских авторов, применять ко всему красивому, изящному, белоснежному и могущественному эпитет «тюрю». Под этим словом подразумевался прежде всего Китай со своей древнейшей духовной и материальной культурой. Скорее всего, «тюрьская белизна» связывалась с вывозимыми из Поднебесной в страны Ближнего Востока фарфором и бумагой.

Держава тюрок, которая возвысилась, Обрела власть благодаря любви к справедливости.

Раз ты творишь беззаконие (тиранию), То ты не тюрок, а вор – индус.

Эти слова в поэме «Сокровищница тайн» вложены в уста старухи, раздосадованной несправедливостью правления сельджуковского султана Санджара. Здесь также идёт речь о китайской державе и о том, что Санджару не дано быть «чистым, белым, изящным», то есть равным китайскому императору в правлении государством и заботе о подданных. Говорит, как некоторые исследователи, что на территории Азербайджана когда-либо была держава, которая «возвысилась», благодаря любви к справедливости, просто смешно. Несмотря на то, что шах Санджар на самом деле был тюрком, в данном контексте слово «Тюрю» («Ты не тюрю») вовсе не имеет отношения к национальности венценосца, а является общепринятым эпитетом, противопоставленным другому традиционному эпитету с негативным значением, то есть слову «индус» (тайный похититель, вор). Тем более, здесь исключено, что один из этих двух противоположных друг другу слов-символов может напрямую говорить о национальной принадлежности шаха Санджара.

Низами говорит и о своём «тюрьстве», о своей внешней белизне и изяществе своих творений: «Моего тюрьства эти абиссинцы не покупают». «Этими абиссинцами» поэт, скорее всего, называет темноплохих курдов, являвшихся также пришлым элементом в Гяндже.

Здесь у нас возникают сомнения по поводу бейта из поэмы «Лейли и Меджнун», где упоминается мать поэта, названная «курдской госпожой».

Во-первых, возникает вопрос: если мать поэта была курдинкой, то мог ли он недружелюбно отзываться о её народе? Во-вторых, нужно определить принадлежность гянджинских курдов к суннизму, чтобы допустить возможность женитьбы отца будущего шейха на представительнице этого народа. В противном случае их брак не мог состояться. Ведь среди курдов наряду с приверженцами суннизма были и есть последователи шиизма и езидизма. В-третьих, для чего нужно было поэту упоминание национальности умершей матери, если он перед этим говорил об убогом отце без упоминания его национальной принадлежности? В-четвёртых, сам бейт звучит логично, свидетельствуя о явном его искажении поздними перепищниками.

На языке оригинала двустишие имеет такой вид:

*Гер мадер-мен раисайи курд
Мадер сефатане тише-мен морд.*

Подстрочный перевод:

*Если моя мать [была] курдская госпожа,
С обликом матери передо мной умерла.*

Вопросы, вызванные этим бейтом, и несурзанность оборота «...моя мать... с обликом матери...» позволяют допустить, что эти две строки имели совсем иное звучание и смысл. Возможно, у Низами вместо слова «курд» стояло лезгинское «кард» («сокол»), «соколиц», что придаёт строке иной поворот мысли: «...моя мать госпожа-соколиц». В древних лезгинских народных песнях целомудренные и красивые женщины имели именно такую приставку-эпитет.

А во второй строке требуется поменять только одну букву в слове «морд» («умерла»), чтобы появилась соответствующая рифма – «мард» («человек»). Получается двустишие:

*Если моя мать [была] госпожа-соколица,
Соблизком матери [теперь] передо мной человек.*

Здесь возникает намёк на то, что ему, Низами, другой человек напоминает облик умершей матери. Можно предположить, что этот человек – жена поэта Афак, что вполне оправданно.

Но вернёмся к слову «тюрю». У Низами и Мухаммед назван «тюрьком», что подразумевает святость и белизну одеяния пророка.

В «Искандер-наме», в «Книге о славе» (глава «Китайский хахан принимает у себя Искандера»), встречаются такие строки:

*Будь не тюрком, о тюрю! Мне отрадой повеи,
Хоть часок будь со мною, не морща бровей!*
(Перевод К.Липскеров)

Поэт, обращаясь к Искандеру и называя его тюрком («о тюрю»), несомненно, вкладывает в слово традиционное значение белизны и могущества. А вот оборот «будь не тюрком» имеет значение явно обратное.

Сама фраза целиком «Будь не тюрком, о тюрю!» кажется несурзанной. Вызывает сомнение факт, что Низами мог допустить её. Наверняка, в первоначальных текстах Низами вместо слова «тюрю» с отрицательной окраской, появившегося в поздних редакциях благодаря переписчикам, стояло лезгинское «турю» – «ласка», хищное животное из семейства кунных. В лезгинском языке этот зверёк имеет и другое, вовсе не случайное, название: «татар кыф» – «татарская мышь». Этим словом поэт мог называть и первых тюрок в окрестностях Гянджи за их полевой образ жизни. Зная об их тюрокском происхождении, стихотворец обыгрывает лезгинское слово «турю», одновременно противопоставляя кочевникам китайское «тюрьство».

У Низами встречается ещё одно слово лезгинского происхождения. В качестве примера приведу «Расказ о хорасанце, обманувшем халифа и конец расказа о Марии» из «Искандер-наме» в кратком пересказе, предложенном в книге Низами «Пять поэм» (М., «Правда», 1988, с. 436): «Некий плут из Хорасана приехал в Багдад. Он взял тысячу золотых динаров, размельчал их напыльником, смешал золотые опилки с красной глиной и наделал из этой смеси шариков. Шарик он припрятал в лавке торговца всякими снадобьями. Затем плут объявил по всему Багдаду, что он великий алхимик и может сделать из ста динаров тысячу. Халиф попался на обман и выдал ему деньги. Плут велел тогда искать снадобье «табарьяк» (этим словом он обозначил припрятанные ранее шарик). Вскоре ему приносит «табарьяк». В плавильном горне золото отделяется от глины, и данная халифом сумма удесятерится... Тогда халиф дал плуту десять тысяч динаров. Плут же опол стражу и бежал из Багдада. Халиф понял, что «табарьяк», если прочитать это слово немного иначе, значит «плутство», и смеялся над хитростью хорасанца. Завершает эту часть

главы стих о том, что обольщённый обманом шарлатанов-алхимиков становится игрушкой в их руках.

В данном рассказе нас интересует слово «табарьяк». Азербайджанский низамивед Р.М. Алиев по поводу этого слова даёт следующий комментарий: «Смысл слова "табарьяк" до сих пор не раскрыт исследователями. Оно не зафиксировано ни в одном из толковых словарей. Арабский алфавит позволяет читать его по-разному». Но «табарьяк» – это всего-навсего лезгинское слово «табрак» – «мешок». Напомним, что плут-хорасанец, прежде чем назвать свои фальшивые бусы «табарьяком», упоминает и слово «мешок».

За динар ты как будто купил их, дружок,
Для называи тебе сил я крепкий мешок.
(Перевод К.Липскеров)

Как видим, герой рассказа владел лезгинским языком или же знал хотя бы это одно слово и надеялся, что в Хорасане оно никому не известно. Почему именно это слово? А потому, что хорасанец хотел увести с собой целый мешок золотых динаров. Возможно, обманщик знал и другое лезгинское слово, которое Низами обыгрывает в данном контексте. Это слово «табрук» (в разговорной речи возможен вариант «табарук») – «лжец», «плут». И это отражено в стихах Низами:

*«Табарьяк» – «плутство». Всё поймёт грамотей:
Сдвинул точки слегка мастер тонких затей.
(Перевод К.Липскеров)*

В этом двустишии вместо «табарьяк» у поэта в оригинале, несомненно, стояло слово «табрук».

Таким же образом нельзя сбрасывать со счетов ещё несколько лезгинских слов, обыгрываемых Низами в названии поэмы «Хефт пейкар» (в другой вариации – «Хафт пейкар»), известной в русском переводе как «Семь красавиц».

Приведём комментарий Р.М. Алиева по поводу названия поэмы: «Персидское слово "пейкар" может быть переведено словом "красавица" с

большой натяжкой. В классической персидской поэзии, в частности в поэме Низами, оно означает: 1) тело, фигура; 2) небесное тело, планета, звезда; 3) портрет, картина и лишь условно (метафорически) – красавица. Не случайно Алишер Навои, создавший свою «Пятеричу» как бы в ответ на поэму Низами, назвал свою поэму на этот же сюжет «Семь планет». В зависимости от контекста Низами употребляет слово «пейкар» почти во всех выперечисленных значениях. В название поэмы он, скорее всего, вкладывал смысл "небесное тело", "звезда».

Самые главные значения, вложенные поэтом в название поэмы и важные для автора, всё же скрываются в лезгинском языке! Например, слово «пейкар», которое означает пося, часть земной поверхности, выделяемую по какому-нибудь признаку. Это древнее лезгинское слово равнозначное арабскому слову «иклим». Герой поэмы Бахрам взял себе в жёны семь красавиц, вывезенных из семи поясов земли.

«Пекар» (в ахтынском наречии лезгинского языка встречается вариант «пекар») – одежда. В каждой главе поэмы речь идёт о шахских одеяниях.

Персидское слово «хафт» («семь») звучит как омоним слова «хафт» («неделя»), заимствованного как лезгинским, так и азербайджанским языком. Каждая из семи повестей в поэме соответствует одному из дней недели, а каждый цвет одеяний царя указывает на одно из семи светил: чёрный – Кейван (Сатурн), жёлтый – Солнце, зелёный – Луна, красный – Маррих (Марс), синий – Утарид (Меркурий), сандаловый – Муптари (Юпитер), белый – Зухра (Венера). Все эти цвета в материальной и духовной культуре лезгин имеют сакральное значение. Кроме того, лезгинские эти светила называются словами-существительными, обозначающими соответствующие цвета.

Следует только добавить, что в суфизме особая роль отводится трёхбуквенным (арабским и персидским) корням и их производным. В эзотерической традиции учитываются все смыслы производных слов, образовывающихся от того или иного словосочетания, т.е. трёх корневых согласных букв в похожих по звучанию словах.

Чтобы дополнить эту мысль, вернёмся к литературному прозванию поэта и трёхбуквенному коду имени Низами – НЗМ. Этот словесный код образует целый ряд слов, которые для поэта имели глубокий смысл. Перестановка корневых букв в предлагаемых словах суфийской традицией считалась допустимой. Приведём

свои произведения на персидском языке, не представлял круг своих читателей без носителей лезгинского языка. Использование Низами местного материала также «работает» не в пользу персов и тюрок.

Упомянутый ранее Е.Э. Бертельс писал: «...эпизоды, связанные с Берда'а, Нушабе (в «Искандер-наме»). – Прим. автора), взяты из нешедших до нас местных азербайджанских хроник».

Удивительно, почему исследователь не задаётся вопросом: как эта «хроника» о временах, когда тюрок ещё не было в данной области, может принадлежать тюрякам-азербайджанцам? Они могли её, хроник, только позаимствовать у коренного населения. У Низами речь идёт о незапамятной эпохе, когда Берда ещё называлась Харумом. А когда это было ещё никто не уточнил, поскольку это свидетельство не зафиксировано ни в одной известной хронике и принадлежит только Низами. Будь он пришлым персом или незванным тюрком, то вряд ли ему было бы интересно уточнить такую деталь. Это ещё раз доказывает, что поэт – представитель коренного народа и глубоко знает историю своей земли.

Вернёмся к «Повествованию о Нушабе», уходящему корнями в седьме времена, когда лезгин исповедовали зороастризм, и обратим внимание на следующие строки:

*И запели пери. Им казалось, что пьян
И любовью и солнцем обильный Микрхан.
(Перевод К.Липскеров)*

Микрхан – древний иранский праздник в честь бога Митры (солнца), справлявшийся осенью во время сбора плодов. О том, что этот праздник отмечался в своё время и лезгинами свидетельствует название древнего села Мухерган, которое находится в Магарамкентском районе Дагестана. К тому же, упомянутое Низами древнее название города Берда Харум явно напоминает лезгинский народный праздник черешен – Кару, который отмечается и в наши дни. Возможно, этот праздник также имеет отношение к зороастризму. Лезгинское слово «мехьер» («свадьба») по звучанию и значению также близко к слову «микрхан». У лезгин ещё в недалёком прошлом свадьбы справлялись осенью – в пору сбора урожая.

Тема зороастризма имеет продолжение и в главе «Искандер завоевывает Дербентский замок при помощи молитвы отшельника». Искандер осаждал замок, но стенобитные машины оказывались бессильными перед его стенами. Покоритель мира узнаёт, что поблизости в горах живёт святой отшельник, и отправляется к нему. По просьбе Искандера отшельник совершает мо-

В этом эпизоде Низами наверняка намекает на Магу-дере – долину магов, которая и ныне носит такое название и находится в Агульском районе Республики Дагестан, населённом агулами – представителями лезгинской группы языков. Название долины говорит само за себя. Но здесь важно другое. Низами знал о существовании этой долины не из легенд и хроник, он о ней, возможно, узнал в Дербенте, куда он приехал, и ему, как суфию, было небезынтересно существование на своей земле пещер для отшельников. Этот факт он решил зафиксировать в своей поэме. А о том, что поход Александра Македонского в Дербент является всего лишь легендой, не имеющей реальной основы, Низами, по-видимому, не ведал.

Напоследок хотелось бы вернуться к упомянутому выше историческому документу, к труду Закария Казвини «Памятники стран и известия о людях», где мы находим очень ценные сведения о селении Цахур, которое существовало и сейчас в Рутульском районе Республики Дагестан.

Приведём этот отрывок:

«Цахур – большой город, населённый в шести переходах (мархала) от Джанзы (Гянджи). Он – главный город (касаба) страны Лакзан (Лезгистан). – Прим. автора). Холод в нём очень силен. Рассказал мне факих Юсуф ибн Мухаммад Ганджинский, что вода города – из реки, называемой Самур. Она находится в замёрзшем состоянии зимой и летом. Они ломают лёд и черпают воду из-под него. А когда они поочерно [воду] и нальют в кувшин, они поменяют его в мешок (гита) из бараньей шкуры, чтобы [вода] не замёрзла тотчас же. А пища их [состоит] из злака, называемого сульг, внешне он похож на ячмень, а качество его – качество пшеницы. У них нет торговых связей и [каких-либо] сношений [друг с другом], напротив, каждый из них свет достаточное для него количество этого зерна и пшитаётся этим и молоком своих маленьких овец и кислым молоком их. Они носят [одежду] из шерсти этих овец. Нет [у них] начальника (раис), но есть у них хатиб (проповедник), который молится с ними, и кади, который разбирает споры между ними согласно учению имама аш-Шафи». Все жители города (мадина) – шафииты. В городе [имеется] медресе, который основал везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак, при медресе имеется учитель (мударрис) и факихи. И полагаются [в качестве жалования] каждому факиху в медресе ежемесячно один баран и определённое количество сульга. Рассказывают, что они перевели "Мухтасар ал-Музани"

векового Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008, С. 355).

Наше внимание привлекает упомянутый в тексте «факих Юсуф ибн Мухаммад Ганджинский», огромная цитата о Цахуре приведена целиком для того, чтобы показать обширность информации, предоставленной географу его информатором. Такая осведомлённость жителя Гянджи о далёком населённом пункте говорит о том, что информатор, знающий эту местность в самых тонких подробностях, кровно связан с ней.

Самое главное в этом документе, на мой взгляд, имя Ганджинского факиха: Юсуф сын Мухаммада. Теперь вспомним, что Юсуфом звали отца Низами, а сына его звали Мухаммед. Как правило, у лезгин каждый род имеет свой набор имён, который переходит из поколения в поколение. Новорожденному не дают имя живого сородича. Если предположить, что Юсуф ибн Мухаммад Ганджинский – внук Низами, то получается, что когда родился потомок, поэт ещё был жив.

У Низами в заключении «Искандер-наме» есть такие слова:

*Я уж молвил тебе об одной колыбели, –
И ребёнок возник. Уивалтася ужели?
(Перевод К.Липскеров)*

Здесь, как нам кажется, поэт говорит о рождении внука.

Низами в своих стихах увещевал сына избрать профессию врача или факиха – специалиста по богословию и мусульманскому праву, но ни в коем случае не становиться поэтом. Известно, что сын пробовал свои силы на поэтическое поприще. Ему приписывают вставленную в «Искандер-наме» главу «Кончина Низами» и некоторые изменения во второй части «Обращения к Мелику Изз ад-Дину». Если даже это так, то упомянутая я приведенном бейте «колыбель» не меняет своей справедливости. И мы можем предположить, что в ней, в колыбели, лежал внук поэта, который, повзрослев, стал факихом и тем самым выполнил завещание своего гениального деду.

Хотел бы ещё раз обратить внимание читателя на заключительную главу книги А.Бакиханова «Юлистан и Ирам», названную автором «О уроженцах Ширвана и соседних с ним провинций, отличившихся учёностью и другими достижениями». Историк, сам кровно связанный с одним из народов лезгинской группы – табасаранцами, пишет: «Жители, населяющие этот край, являются потомками различных племён, представляющих почти весь род человеческий. Каждое из этих племён оставило здесь следы своих обычаев и нравов, и следовательно и в характере эдешнего народа соединились все способности, отличающие племена друг от друга. Главным племенем рода человеческого, стоящим выше, как в физическом, так и в нравственном отношении, чем эфиопское и монгольское племена, «учёной» Европой считается кавказское племя. Если бы политическое спокойствие и надлежащее воспитание позволили бы жителям Кавказа развить свои природные способности, то они достигли бы высокой степени просвещения. Несмотря на беспрерывные войны и опустошения, причиняемые этому краю постоянными столкновениями северных племён с южными, здесь появлялись люди, которые своей учёностью и способностью далеко распространяли свою славу. Почти все представители этой страны, перебравшиеся в разные страны, достигли там известности и почестей, а многие из них занимали высокие посты». Далее Бакиханов кратко излагает сведения о жизни и творчестве знаменитых людей, среди которых назван и Низами. Из предисловия к перечню имён явствует, что упоминаемые представители «восточной части Кавказского края» – коренные жители, а не пришлые турки-азербайджанцы. К тому же, историк, упоминая «монгольское племя», имеет в виду этнические азербайджанцев. Лезгин своих тюрокских соседей также нередко называют монголами («мугулар»).

Персидский поэт Абдулрахман Джами (1414-1492) говорил, что в стихах Низами много тёмных мест и потому необходимо «поймать» его в Судный день и спросить об их значении. Джами этого не сказал бы, если бы владел лезгинским языком. Все эти «тёмные места» связаны, прежде всего, с духовной культурой лезгинского народа, особенностями его национального мышления и идиоматическими оборотами, характерными лезгинскому языку, что в персидской интерпретации выглядят несколько странно.

Переписчиками текстов Низами по воле истории стали иранцы и турки, которые начиная уже с XIV века вели борьбу за причисление к своей национальной культуре наследия и биографии Низами, прибегая к замене непонятных им слов и оборотов другими, в том числе и тюркскими, присутствие которых в первоисточниках исключено. Тем не менее, в сохранившихся списках осталось немало невыясненных мест, правильное толкование которых, по нашему мнению, возможно скорее при помощи лезгинского языка.

Давно пора положить конец этой небывалой в мировой литературе фальсификации – необоснованному приписыванию лезгинскому поэту Низами азербайджанской национальной

литературы, после которой стены замка падают и люди, находящиеся в нём, сдаются Искандеру.

Шафи" и занимаются ими обеими» (А.Р. Шихсаидов, Очерки истории, источниковедения, археографии средне-

Арбен КАРДАШ,
член СП России,
поэт, прозаик, переводчик

Возвращенные Низами

сами слова: НиЗаМи – упорядочиватель; НиЗаМ – порядок, устройство, система, строй; НеЗМ – стихотворение; НаЗиМ – поэт; НаМаЗ – молитва; МиЗаН – весы, вес, мерило, измеритель, название седьмого месяца солнечного года, созвездие Зодиака; ЗеМаНе – эпоха, век, судьба, доля; ЗаМаН – время, современность; ЗеМаН – гарантия, ручательство, порука; ЗеМиН – почва, земля, основа. Эти слова арабского и персидского происхождения с незначительными изменениями в произношении заимствованы лезгинским и азербайджанским языками. В этом сакраментальном ряду слов поэт, бесспорно, подразумевает и лезгинское слово «МаЗаН» – певец, сказитель, красноречивый.

Слово «Низами» нуждается ещё в одной расшифровке. Мы упоминали, что цифровой эквивалент этого имени равен 1001. Это можно проверить ещё раз по известной на Ближнем Востоке цифровой системе Абджад, в которой буквы имеют различные цифровые эквиваленты: тысяча, сотни, десятки. Цифра «1001» – это намёк не только на количество имён Аллаха, но и на книгу «Тысяча и одна ночь», многие сказки из которой являются суфийскими обучающими историями.

При дальнейшем рассмотрении слова «Низами», согласно Абджаду, следует 1001 разложить на тысячу, сотни и десятки. Поскольку в данном случае отсутствуют сотни, комбинация будет выглядеть так: 1001=1000+1. Если цифры 1000 и 1, по правилу, заменить буквами, то получаем, что тысяча соответствует буква «т», а единице – буква «и», из которых составляется слово «ти», что по-лезгински означает «человеку».

Таким образом, поэт и суфий Низами в своём тахаллусе скрывал главного героя своей философии и поэзии, тем самым ставя человека и его разум выше всего в окружающем мире.

Исходя из приведённых примеров, можно убедиться в том, что Низами в упомянутую эзотерическую традицию вовлёл и лезгинский язык, подчёркивая своё национальное происхождение. Он в своих творениях пользовался материалом, касающимся духовной культуры своего народа и, создавая

ник, и отправляется к нему. По просьбе Искандера отшельник совершает мо-

на лакзанский (лезгинский. – Прим. автора) язык, как и "Книгу имама ал-

литературу, после которой стены замка падают и люди, находящиеся в нём, сдаются Искандеру.

Шафи" и занимаются ими обеими» (А.Р. Шихсаидов, Очерки истории, источниковедения, археографии средне-